

ЛИНГВИСТИКА

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СКЛЕЙКИ В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

Р.Р. ГРДЗЕЛЯН
ЕГУ

Статья посвящена одному из механизмов образования дискурсивных единиц – устойчивому контактному употреблению лексем, которые, «склеиваясь», функционально приближаются к слову и превращаются в своего рода лексоидные образования. Рассматриваются причины и пути появления подобных образований в дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная лексика, парность, лексическая склейка.

Жизнь – двойственность таких соединений,
Как вещь и тень, материя и свет.
Эдгар Аллан По

Одним из основополагающих принципов жизнеустройства является парность. В природе она проявляется повсюду, поэтому “главная и первая из наук – это наука о зарождении понятий “чет” и “нечет” и том значении, которое они имеют по отношению к природе вещей” (Платон).

Принцип парности находит отражение не только в физическом пространстве, окружающем человека, но также в ментальном, информационном и культурном поле.

Язык же, являясь продуктом когнитивной и культурной деятельности человека, также во многом строится по принципу парности. Однако сам феномен двойственности, результатом которого является “парное” мышление, – не столь однозначен и прост, поскольку двойственность имеет разные проявления, что затрудняет ее описание. Если в природе парность, как правило, проявляется в виде симметрии: “На человеческом лице – два глаза, две ноздри, две щеки. Нос делит лицо на две половины – две щеки, два виска” (Сулейменов – эл. ресурс), то в языке парность может иметь разную логико-понятийную основу.

Лексическая система языка также включает в себе большое количество парных образований различного рода. В частности, на принципе парности основаны многие лексико-семантические категории. Однако лексическая синтагматика (возможно, правильнее будет говорить о “дискурсивной лексике”) также содержит различного рода лексоидные парные образования, близкие

по своим свойствам к слову. Подобные образования имеют различную природу, однако их объединяет одно свойство – устойчивое употребление в самых различных устных и письменных текстах.

Таким образом, одним из способов лексикализации можно считать образование пары слов с устойчивой сочетаемостью. Однако подобные лексические пары не всегда можно считать идиомами или фразеологическими единицами. Назовем подобные лексикоидные образования лексическими склейками. Ср.: (1) *Рука с рукой – по-детски мило* - / *Они у крайнего окна / Стоят посередине мира* - / *Он и она*, / **Муж и жена** (А. Твардовский); (2) *Посмотри на себя: умница, красавица, да еще работяга* (П. Акимов); (3) *Отчего это разлюбезная дочь так **цветёт и пахнет**?* (Э. Володарский); (4) *Иди своим путём, как велят **честь и совесть*** (М. Корф).

Интуитивный опыт говорящего подсказывает ему, что такие сочетания слов, как *муж и жена*; *умница, красавица*; *цветет и пахнет*; *честь и совесть*, отличаются от синтаксически идентичных с ними сочетаний типа *муж и соседка*; *умница, рукодельница*; *цветет и благоухает*; *честь и гордость*. Отличаются они прежде всего тем, что связаны между собой не только логически и синтаксически, но также и каким-то иным образом – это не просто синтаксические сочетания двух однородных имен, это стереотипные, стандартные сочетания, представляющие собой определенное смысловое и коммуникативное целое, в готовом виде бытующие в дискурсе и в готовом же виде употребляемые в речи. Вероятно, их нельзя считать единицами лексического состава языка, однако это, безусловно, дискурсивные единицы, поскольку причины их образования всегда связаны с речепорождением и формируются они в недрах дискурса. Но при этом следствием подобного процесса может стать некое образование, приближающееся по своим свойствам к языковой единице, а именно – к слову. Причем расхождения в статусе лексических склеек связаны с разной степенью валоризации (смыслоразличительной значимости).

Таким образом, исследование смысловой организации слова предполагает также всестороннее рассмотрение его синтагматических особенностей – прежде всего лексической и семантической сочетаемости. Лексическая синтагматика – это то направление, которое в последние десятилетия интенсивно развивалось, в частности в российской лингвистике. Именно этот аспект рассмотрения семантики и употребления слова наиболее актуален в контексте новых научных парадигм, поскольку учет синтагматических особенностей лексемы позволяет не только рассматривать ее в контексте лексической

системы языка, языковой картины мира, но также всесторонне описать ситуации словоупотребления, особенности поведения слова в дискурсе.

Известно, что традиционная лексикология не включала синтагматический аспект в структуру лексического значения, тогда как в контексте антропоцентрической, коммуникативно направленной лингвистики синтагматический компонент занимает одно из ключевых мест в структуре лексического значения. Такой подход во многом объясняется новым взглядом на саму структуру лексического значения, которая сегодня понимается не только как организованный особым образом набор смысловых компонентов, но также и как особым образом организованный набор знаний – фрейм. Это предполагает взгляд на слово как на некий аккумулятор, «заряженный» определенным объемом знаний, типовых ситуаций (сценариев), который в нужное время «подключается» для адекватной работы дискурсивного механизма.

Исследование семантики слова в синтагматическом аспекте – его сочетаемостные возможности, контексты употребления, поведение в дискурсе и в тексте – помогает также выявить глубинные семантические пласты, не ощущаемые явно смысловые компоненты, вскрыть механизмы смыслообразования и полисемии.

Рассмотрение слова в линейном ряду речевого произведения, взгляд на него как на единицу дискурса помогает также по-новому взглянуть на природу лексической единицы, сформулировав следующий вопрос – можно ли считать речевой лексической единицей не только слово или фразеологизм, но также и некоторые другие лексические образования – пары или группы слов, а также выражения, часто употребляемые в дискурсе как одно смысловое (а возможно, и информативное, ментальное) целое?

Анализ разнообразных текстов позволяет предположить, что в дискурсе бытуют разного рода вербальные объединения, которые употребляются говорящим и воспринимаются слушающим как единое информативное целое, но при этом, в отличие от языковых единиц, нередко лишены жесткой структурной организации, а подчас и вовсе «обрывочны».

Таким образом, словосочетания, а также разного рода иные вербальные объединения – сочетания слов со смежными смыслами, цепочки определений и даже некоторые «обрывки» высказываний – представляют собой своего рода инвентарь дискурса. В отличие от языковых единиц, подобные сочетания нередко лишены жесткой структурной организации. Но, по всей видимости, с содержательной, прагматической, психолингвистической точек зрения подобные объединения не являются случайными. Таким образом, в речевой памяти говорящего в готовом виде пребывают не только традиционно выделяемые устойчивые сочетания, свободные словосочетания, пост-

роенные по тем или иным грамматическим правилам, но также и другие, иногда на первый взгляд, представляющиеся случайными, объединения слов. Многие из подобных сочетаний организованы особым образом именно с содержательной точки зрения и представляют собой своего рода информативные склейки, скопления и, возможно, являются одной ментальной единицей, одним концептом (о подобном понимании «концепта» см. в Попова, Стернин 2007: 78).

Простыми примерами подобных склеек являются сочетания слов одной части речи, объединяемые союзом «и» или отделяемые запятой. Одним из формальных критериев для выделения лексических склеек может служить частотность их контактного употребления. Так, в Национальном корпусе русского языка представлено 1158 случаев употребления сочетания *день и ночь* (см. основной корпус; ср. также частотное употребление устойчивого выражения «с утра до вечера» - 896 случаев употребления), что дает основание для дальнейшего анализа текстов с данным сочетанием и для поисков других критериев их смысловой спаянности. Одним из таких критериев является употребление данного сочетания в однотипных контекстах, где *день и ночь* употребляется при глаголе, в предложении выполняет функцию обстоятельства и соотносится с наречием. Другим критерием можно считать возможность синонимической замены данного сочетания одним словом – наречиями «постоянно», «всегда», «беспрерывно». Ср.: (1) *День и ночь не погасала на кухне огромная плита* (И. Грекова); (2) *А дождик нудит и нудит – день и ночь, день и ночь – мелкий, серенький, косой, такой, что и жить не хочется* (Ю. Домбровский); (3) *Наверху работа шла без перерыва день и ночь* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); (4) *День и ночь шел, ни разу нигде не присев* (Ф. Искандер); (5) *Но станция должна работать день и ночь, эшелоны прибывают один за другим* (А. Рыбаков) и т.д.

С типологической точки зрения подобные образования свидетельствуют об аналитической организации смысла: два полнозначных слова со своими самостоятельными лексическими значениями, формально объединяясь при помощи сочинительной связи, одновременно формируют единый смысл и выступают в дискурсе как одно содержательное, информативное целое. Однако лексические склейки требуют специального детального исследования. Пока еще можно только предположить, что смысловая организация подобных образований разнообразна – одни из таких сочетаний по выполняемым в дискурсе функциям и по характеру смысловой организации наиболее приближены к слову, другие же, имея более сложную смысловую организацию, не соотносимы со словом. Одним из ярких примеров склейки как аналога слова

является сочетание *хлеб, соль* / *хлеб и соль* / *хлеб да соль* / *хлеб-соль*. Преимущественное дефисное написание данного сочетания уже свидетельствует о высокой степени спаянности двух слов и о наличии заключенного в них единого смысла. Кроме того, сочетания *хлеб-соль* «угощение, предлагаемое гостю, а также вообще о гостеприимстве», «забота, попечение»; *хлеб-соль водить* «дружить домами, семьями» представлены в «заромбовой» части толковых словарей, фиксирующих таким образом устойчивость их употребления (Ожегов 1990: 860; МАС 1983, т.4: 602). Данные сочетания богато представлены в поговорках и в целом в русском дискурсе, ср.: *Хлеб-соль ешь, а правду режь*; *Хлеб-соль и во сне хорошо*; *Хлеб-соль – конец обеду*; *Хлеб-соль кушай, а хозяина слушай*; *Хлеб да соль! – Ем, да свой*; *Хлеб с солью не бранится*. Ср. также: (1) *Вот вы не брезгаете же с нами хлеб-соль есть* (В.Г. Короленко); (2) *А главное – сердечность тех лет. Старая хлеб-соль не забывается!* (М. Шолохов); (3) *Спаси Бог того, кто поит и кормит, а вдвое того, кто хлеб-соль помнит* (А. Григорьева); (4) *Нам-то, господи, на что хлеб-соль покупать?* (Б. Васильев); (5) *Добрый вечер, хозяева! Хлеб-соль вам* (Б. Шергин); (6) *А все-таки приятели: хлеб-соль одна* (А.М. Ремизов); (7) *Великую правду ты говоришь: хлеб, соль, да милость и разбойника поражают* (М. Пришвин).

Часто лексические склейки могут выступать синонимами (или видовыми наименованиями) тех или иных лексем, ср.: *мать и отец – родители*; *муж и жена – супруги*; *мальчики и девочки – дети*; *день и ночь – сутки*. Однако в этих случаях редко можно говорить об абсолютной синонимии. Например, рассмотренное нами выше сочетание *день и ночь* в высказывании чаще всего совмещает два обстоятельственных значения – временное и образа действия, тогда как лексема *сутки* обозначает только определенный отрезок времени, ср.: *Он работает день и ночь – Сегодня он работает сутки (а сутки отдыхает)*. Для того чтобы совместить два указанных выше обстоятельственных значения, слово *сутки* в высказывании должно быть употреблено вместе с другим каким-либо словом, имеющим соответствующую сему, ср.: *Он работает сутки напролёт*.

В отдельных случаях между словами внутри лексической склейки могут устанавливаться различные семантические отношения. Так, например, прилагательные *молодой и здоровый* часто употребляются в дискурсе контактно, следовательно, их можно считать лексической склейкой (гораздо более редки случаи контактного употребления формы женского рода: в Корпусе русского языка зафиксировано 47 употреблений форм мужского рода и 22 – форм женского рода). Особая семантическая связь между данными прилагательными обусловлена, видимо, тем, что слово *молодой* имеет смысловой ком-

понент 'здоровый' и может появляться в контекстах, актуализирующих эту сему. Однако в ряде контекстов возникает дополнительная необходимость в особом выделении (усилении) этого смыслового компонента, и он как бы выводится «за скобки» семантики прилагательного *молодой* и актуализируется семантикой отдельной лексемы, ср.: (1) *В конце концов, я был молод, здоров, я выжил* (Г. Щербакова); (2) *А ведь он не нам с тобой, старичкам, чета, молодой, здоровый, румянец во всю щеку* (Ю. Домбровский); (3) *У входа в «Европу», весь освещенный, стоял маскарадный швейцар – молодой здоровый мужик* (С. Иванов); (4) *Зачем вам тут жить и золотое время терять? Человек вы молодой, здоровый, богатый* (А.П. Чехов).

Предварительно можно выделить несколько групп лексических склеек, отличающихся друг от друга либо своей структурной организацией, либо смысловой природой. Однако отметим, что при этом подобные группы не корректно называть классификацией, поскольку они не имеют общего основания для разделения и не всегда исключают друг друга.

Имена родства. Первую группу составляют имена родства. Казалось бы, здесь все должно быть предельно просто, поскольку в этой тематической группе практически все лексемы представлены парами: *муж и жена, брат и сестра, тетя и дядя, бабушка и дедушка, мать и сын, отец и дочь* и т.д. Но все ли подобные пары являются лексическими склейками? Думается, что нет, поскольку семантическая природа этих имен различна. Так, предложение (1) *Они муж и жена* является семантически адекватным, где сочетание *муж и жена* выступает классифицирующим предикатом, кроме того указанные слова являются лексическими конверсивами, а также видовыми наименованиями по отношению к родовому *супруги*. Вероятно, данные свойства позволяют также считать, что эта понятийная пара образует не множество, а единицу (ср. русскую пословицу *Муж и жена – одна сатана*), точнее – некоторое единство, поскольку понятие “муж и жена” можно отнести к разряду явлений, образующих “относительный максимум” (по аналогии с рассуждениями Н. Кузанского о тождестве абсолютного максимума и единства, см. в: Кузанский - эл. ресурс). В семантическом отношении лексическая пара “муж и жена” самодостаточна. Видимо, именно указанные свойства данной лексической пары явились предпосылкой образования лексической склейки, которая с функциональной точки зрения значительно приближена к слову. В противоположность предложению (1) приведем предложение (2)* *Они дядя и тетя*. При поверхностном семантическом сходстве эти предложения не являются однотипными. Более того, предложение (2) семантически аномально, поскольку сочетание *дядя и тетя* является предикатом не классифицирующим,

а реляционным, соответственно при нем должно стоять имя, по отношению к которому “они” являются “дядей и тетей”, ср. семантически адекватное предложение: (2)¹ *Они дядя и тетя Оли*. Кроме того, данная лексическая пара не является парой конверсивов и в русском языке не имеет родового наименования. Все это позволяет предположить, что лексическая пара “дядя и тетя”, скорее всего, является только синтаксической конструкцией, так как низкая степень валоризации не позволяет данному сочетанию слов “перешагнуть” порог простой синтаксической связности и проникнуть в лексическое поле языка.

Вероятно, таксономический характер предиката и конверсность взаимосвязаны и являются основным условием лексикализации подобных сочетаний, ср.: (3) *Они мать и дочь*; (4) *Они брат и сестра*, но: (5)**Они бабушка и дедушка*; (6)**Они отец и мать*. Однако, по всей видимости, лексикализации может также препятствовать семантический компонент “дальняя степень родства”, ср. такие сочетания, как *тетя и племянница*, *невестка и золовка*, *теща и зять*. Являясь лексическими конверсивами и выступая классифицирующими предикатами, эти сочетания, тем не менее, являются дефектными с точки зрения своей лексической связанности и вряд ли могут квалифицироваться как лексические склейки, хотя и употребляются попарно.

Таким образом, для данной группы лексем условиями формирования лексической склейки являются ■таксономический характер предиката, ■конверсные отношения и ■наиболее близкая степень родства.

Слова, обозначающие смежные понятия. Феномен “парного” мышления обуславливает, по всей вероятности, дискурсивный механизм, основанный на том, что появление в контексте одного слова каузирует появление второго слова, имеющего семантику, в той или иной степени соотносимую с семантикой первого слова, и как следствие может привести к образованию склейки. Таким образом, в сознании говорящего и соответственно в потоке речи одно слово “цепляет” другое. Кроме того, именно “парным” мышлением обусловлены такие известные языковые механизмы, как плеоназм, тавтология, редупликация, которые весьма частотны в русском языке и соответственно говорят об особой предрасположенности “говорящего по-русски” к любым разновидностям повтора. Ср. такие плеонастические и тавтологические сочетания, как *жили-были*, *грусть-тоска*, *путь-дорога*, *полюшко-поле*, *судьба-судьбинушка*, *море-океан*, *рыба-кит*, *ягода-малина*, *лютики-цветочки*, *Волга-река*; *Ой, снег-снежок*, *белая метелица*; *кривой-косой*, *далеко-далёко*, *всяко-разно*, *всякая всячина*, *горе горькое*, *диво дивное*; *Гори оно огнем*; *думку думать*, *шутки шутить*, *сказку сказывать*, *разговоры разговаривать*, *дело делать*; *вольному воля* и т.д.

К подобным сочетаниям приближаются сочетания двух имен, соединенных сочинительным союзом и представляющих смежные понятия. Под словом “смежные” в данном случае мы будем понимать широкий спектр логико-семантических отношений – от частичного тождества (*гремит и грохочет*) до тематической близости (*цветет и пахнет*), гиперо-гипонимии (включая согипонимы – *встань и иди*) и противоположности (*жизнь и смерть*).

На примере сочетания *гром и молния* постараемся проследить, каковы пути, которые приводят к “склеиванию” двух лексем, иначе говоря – есть ли разница между обычной синтаксической связностью и лексическим сочетанием, основанным на этой связности. Во-первых, сочетание *гром и молния* употребляется как в прямом, так и в переносном значениях. Наличие же переносного значения, безусловно, способствует дальнейшей лексикализации. Ср.: (1) *Ливень, гром и молния режутся вовсю* (В. Розов); (2) *Потом началась гроза; гром и молния были страшные* (Л. Толстой); (3) *Я искусно направил это письмо так, что оно попало в руки тётки. В доме – гром и молния* (И. Висковатый).

Во-вторых, контексты употребления слов “гром” и “молния”, с точки зрения синтаксических особенностей, можно разделить на три группы. Это контексты, в которых между данными словами расположен союз “и”, который, однако, соединяет не слова, а предложения, но при этом слово “гром” находится в конечной позиции первого предложения, а слово “молния” – начинает второе, ср.: (4) *Грянул гром, и молния сверкнула* (А. Майков); (5) *Вдруг над самым домом повисла черная туча, грянул гром, и молния, как стрела, в трубу ударила* (Н. Гейнце); (6) *И едва он успел снять шапку да встать под густую ель – грянул гром, и молния огневými разбросанными трещинами мелькнула по воде* (А. Чапыгин). Есть контексты, в которых слова “гром” и “молния” находятся в ряду однородных членов предложения, соответственно отделяются запятой, но при этом неизменно следуют одно за другим, ср.: (7) *Дуновенье ветерка, / Гром, и молния, и вьюга* (И. Мятлев). (8) *Там – солнца луч и в зной оливы сень, / А здесь – и гром, и молния, и слезы* (Авенариус); (9) *Это и длинные ноги, и гром, и молния, и еще черт знает что* (В. Розов); (10) *Значит, и гром, и молния есть в ней* (П. Бобрыкин). И наконец, рассматриваемый нами самый частотный – третий тип контекстов, где сочетание *гром и молния* представляет собой одно смысловое целое.

О том, что это сочетание является в некоторой степени лексикализированным, свидетельствует и тот факт, что оно с другими членами предложения часто согласуется в единственном числе, ср.: (11) *Казалось мне – вот-вот разразится гром и молния, шарахнет в меня* (В. Бурлак); (12) *И тут раз-*

разился **гром и молния**, ибо я слышал, как мама разговаривает с тетей Олей (В. Железников); (13) *К вечеру дождь и потом в темноте первый **гром и молния*** (М. Пришвин).

В пользу смысловой слитности сочетания *гром и молния* говорит также и его междометное употребление, ср.: (14) *И тут я увидел, что она отрезала косы. **Гром и молния!** Еще вчера была с косами, а сегодня короткие волосы* (В. Железников); (15) *Он пытается удержаться на ногах, усердно сигналил лампой, но – **гром и молния!** – бушующий грохот винта опрокидывает его* (А. Голованов).

И наконец, нельзя не отметить употребление данного сочетания во множественном числе. Наряду с фразеологическим сочетанием *метать громы и молнии* немало случаев употребления лексической склейки *громы и молнии*, ср.: (16) *А между тем над головой у нее уже нависали **громы и молнии*** (М. Тихомиров); (17) *Вы увидите, какие **громы и молнии** у нас пойдут, когда он придет* (А. Куприн); (18) *На голову похитителя сыплются **громы и молнии*** (А. Дживелегов).

Таким образом, на примере сочетания *громы и молнии* можно проследить пути лексикализации и поэтапного превращения свободного сочетания слов в лексическую склейку, то есть в сочетание, в той или иной степени сросшееся в одну смысловую, понятийную единицу. Во-первых, это «наличие у лексем соотносимых в каком-либо отношении понятий (синонимы, согипонимы, антонимы, слова одной тематической группы); во-вторых, это «устойчивое контактное употребление двух единиц в контексте и, в-третьих, - «какие-либо нарушения в общих грамматических закономерностях данных слов (например, те или иные отклонения в согласовании форм числа).

Парные и бинарные концепты. Известно, что в лингвокультурологии особо выделяют синонимичные и антонимичные пары концептов, которые «кластеризируются и упорядочиваются частотно и функционально» (Воркачев – эл. ресурс). Внутри подобных концептов разграничивают парные (синонимичные) и бинарные (антонимичные) концепты (Пименова – эл. ресурс), ср.: *правда – истина, мечта – грёза, мысль – идея, честь – совесть, грусть – печаль, ложь – обман, свобода – воля, сила – мощь, горе – злосчастье; любовь – ненависть, свет – тьма, друг – враг, строить – разрушать, война – мир, жизнь – смерть, свой – чужой, добро – зло и т.д.*, ср.: «Жизнь и смерть, добро и зло, верх и низ, красота и уродство – одно без другого не существует, как две стороны медали: одно тем и определяется, что противоречит другому» (М.Веллер – эл. ресурс).

Однако подобный «парный» принцип устройства концепта скорее относится к парадигматике, нежели к синтагматике. И лишь немногие из подоб-

ных пар тем не менее “склеиваются” в контекстах. Относительно частотное “парное” употребление подобных концептов свойственно следующим из них: *добро и зло* (по данным Национального корпуса русского языка, 446 употреблений), *честь и достоинство* (186 употреблений), *свои и чужие* (185 употреблений), *любовь и ненависть* (77 употреблений).

Кроме того, например, сочетание *добро и зло* нередко согласуется с другими членами предложения в единственном числе, что, безусловно, говорит о наибольшей слитности двух этих понятий, ведь “Добро и зло не ходят в одиночку” (Б. Окуджава), ср. (1) *И вы поняли, что добро и зло – это один такой оборотень* (В. Шукшин); (2) *Для чего познавать это чертово добро и зло?* (Н. Бердяев); (3) *Какое добро и зло готовят они людям?* (Е. Велтистов); (4) *Добро и зло ожидает нас* (Н. Карамзин); (5) *Что такое величайшее добро и зло?* (М. Лермонтов); (6) *Равнодушны оком вззирающие на проходящее мимо их добро и зло* (М. Салтыков-Щедрин).

Постараемся пронаблюдать, какие признаки, свойственные данным лексемам, способствуют их “склеиванию” в дискурсе, а какие – препятствуют. В первую очередь, это относится к лексико-семантическим и лингвокультурным характеристикам каждой пары. С лексико-семантической точки зрения подобные пары подразделяются на две группы – синонимичные и антонимичные. Лексические синонимы имеют следующие значения: *сила - мощь* (“могущество, влияние”), *правда - истина* (“то, что существует в действительности”), *мысль – идея* (“то, что явилось в результате мышления”), *грусть – печаль* (“состояние душевной горечи”), *ложь – обман* (“намеренное искажение истины”), *горе – злосчастье* (“несчастье”), *свобода – воля* (“отсутствие каких-либо ограничений, стеснений в чем-нибудь”); *мечта – греза* (“мечта - нечто, созданное воображением” – “греза - светлая мечта, призрачное видение, сновидение”), *честь – совесть* (“честь – достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы” – “совесть – чувство нравственной ответственности за свое поведение”), *честь – достоинство* (“честь” – см. выше – “достоинство – совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе”). Таким образом, подавляющее большинство данных лексем (точнее - ЛСВ) имеют идентичные значения и являются абсолютными синонимами. Однако с лингвокультурной точки зрения не все из рассматриваемых пар представляют собой идентичные слова, поскольку одно из них наделено дополнительными смыслами и является этноспецифическим концептом, ср. такие всесторонне исследованные русские концепты, как *правда, воля, совесть*. С логической и семантико-синтаксической точек зрения интересным пред-

ставляется вопрос о том, могут ли подобные слова образовывать сочетания с союзом “и”. С одной стороны, сочетания, подобные таким, как *азбука и алфавит*, *бегемот и гиппопотам*, *кавалерия и конница*, являются аномальными. С другой же стороны – сочетания типа *сила и мощь*, *грусть и печаль*, *ложь и обман* нельзя назвать аномальными, они достаточно употребительны, ср.: (7) *В его полёте были **сила и мощь*** (Д. Емец); (8) *Громовой голос, **сила и мощь** фантастической мысли покорили самых строптивых* (Л. Шестов); (9) *Мы обманем мир – он свёл нас на **грусть и печаль**, а мы найдём надежду и радость!* (Н. Полевой); (10) *Он весь есть **ложь и обман*** (Н. Бердяев); (11) *Стоит ли думать о себе, о своем достоинстве и жизни, когда **ложь и обман** царят над миром* (Л. Андреев); (12) *Морозка чувствовал себя обманутым в прежней своей жизни и снова видел вокруг себя только **ложь и обман*** (А. Фадеев).

Сравниваемые группы сочетаний сходны в том, что они являются парами абсолютных синонимов, но при этом отличаются тем, что первая группа представляет собой слова с денотативной основой значения (с конкретной семантикой), а вторая – с сигнификативной (с абстрактной семантикой). Как нам представляется, именно тот факт, что вторая группа слов имеет абстрактную семантику, следовательно, наиболее трудно определяемый денотат и более ёмкий, легко поддающийся изменению конфигурации сигнификат, позволяет им употребляться в паре в одном контексте. По сути это разновидность семантической редупликации, где парное употребление интенсифицирует признак и привносит в высказывание эмотивную семантику. Этому также способствуют характерные для определенной части концептов этноспецифические смыслы.

Таким образом, рассматриваемая группа слов близка по природе к предыдущей группе лексем, пути ее лексикализации во многом сходны, однако подобные склейки являются также редупликатами, интенсифицирующими признак и привносящими в смысловую структуру экспрессивные компоненты значения.

Однородные определения. Поскольку однородные определения характеризуют предмет по какому-либо одному признаку, они также представляют собой смежные (т.е. тесно соприкасающиеся, близкие, однотипные) понятия. Однако мы посчитали целесообразным выделить их в отдельную группу, поскольку они имеют отличную от предыдущих групп синтаксическую организацию и просодические особенности –отделяются запятыми и произносятся с перечислительной интонацией. При этом открытые ряды однородных определений труднее поддаются “склеиванию”, поскольку в той или иной мере допускают пополнение ряда новыми членами. Тем не менее в дискурсе бытуют штампы подобных определений, ср.: *жаркий, летний (день); тихий,*

скромный (человек); хороший, добрый (человек); здоровый, крепкий (человек, организм); легкий, воздушный (торт); гордый, независимый (характер); прозрачный, чистый (воздух); молодой, здоровый (парень) и т.д.

Все указанные сочетания можно считать однородными определениями на том основании, что они обозначают взаимозависимые признаки. Но при этом некоторые из них не всегда отделяются запятыми, очевидно, воспринимаясь авторами текстов как неоднородные. Например, определения *жаркий летний (день)* чаще не отделяются запятыми, следовательно, интерпретируются авторами как неоднородные определения, обозначающие не столько взаимозависимые признаки («жаркий день – значит, летний» VS «летний день – значит, жаркий»), сколько неоднородные признаки качества и времени («жаркий» - качественный признак, «летний» - временной). Однако такие неоднозначные интерпретации никак не влияют на контактное, устойчивое, стереотипное их употребление в речи, поскольку и в том и в другом случае определения *жаркий летний (день)* обозначают смежные признаки, что и способствует, очевидно, дальнейшей лексикализации подобных сочетаний. Таким образом, обозначение смежных понятий можно считать одним из условий «склеивания» двух частотно и контактно употребляемых в дискурсе определений.

Вторым условием «склеивания» подобных определений является их ограниченная лексическая сочетаемость, ср.: *жаркий летний день /полдень; жаркая летняя пора /погода /ночь; жаркое летнее утро /солнце; хороший, добрый человек /парень /мальчик /он; хорошая, добрая девушка /она; хорошее, доброе лицо /дело /будущее /всё и т.д.*

Возможно, еще одним условием «склеивания» можно считать порядок слов. Так, например, являются ли одинаковыми с точки зрения уровня лексикализованности такие сочетания, как *молодой красивый (парень)* и *красивый молодой (парень)*? Оба ли эти сочетания можно считать склейками? Пожалуй, однозначный ответ здесь дать нельзя. Тем не менее попытаемся сравнить эти сочетания с содержательной, прагматической и дискурсивной точек зрения. В Национальном корпусе русского языка зафиксировано приблизительно равное количество употреблений: *молодой, красивый* – 186; *молодая красивая* – 221; *молодое красивое* – 18; *красивый, молодой* – 137; *красивая молодая* – 103; *красивое молодое* – 6. Однако при ограниченной лексической сочетаемости (преимущественно со словом *человек*, а также с другими наименованиями лица: *мужчина, парень, господин, мужик, щёголь, полковник, генерал* и т.д.) словосочетание *красивый молодой человек* чаще всего воспринимается говорящим как сочетание прилагательного *красивый* и субстантивированного

словосочетания *молодой человек* (*парень, мужчина, офицер и т.д.*), вследствие чего два контактных определения не отделяются запятой. В подобных случаях без какого-либо ущерба для прагматических и дискурсивных характеристик высказывания определение *красивый* может быть заменено синонимами или другими смежными по значению словами: *привлекательный, приятный, обаятельный* и т.п. Но и это не даёт возможности отрицать факт определённой лексикализованности сочетания *красивый молодой*, поскольку оно является частотным, а следовательно, стереотипным выражением. Ср. данные Корпуса: *красивый молодой* – 137 употреблений, *приятный молодой* – 34, *обаятельный молодой* – 3, *привлекательный молодой* – 1. Однако частотность употребления сочетания *красивый молодой* во многом связана именно с субстантивированностью словосочетания *молодой человек*, что, в свою очередь, влияет на лексические характеристики сочетания *красивый молодой* и, возможно, всё-таки не позволяет говорить о «склеенности» этих слов.

Сочетание *молодой красивый (человек)* при известном смысловом сходстве с предыдущим сочетанием отличается от него по ряду характеристик. Во-первых, в выражениях типа *молодой красивый человек / парень / юноша* отсутствует субстантивированное словосочетание (нельзя говорить о субстантивированности словосочетаний типа *красивый человек*). Таким образом, *молодой красивый* во всех случаях выступает как сочетание двух определений, а следовательно, можно говорить о большей частотности его употребления по сравнению с сочетанием *красивый молодой (человек)*. Во-вторых, подобный порядок слов позволяет, как нам представляется, интерпретировать отношения между прилагательными *молодой и красивый* как гиперо-гипонимические. Контактное употребление гиперонима и гипонима в тексте также можно считать следствием «парного» мышления и интерпретировать подобное употребление как редупликацию, повтор, но повтор не простой, а со смещением, с уточнением. Так, стереотипное языковое мышление в данном случае руководствуется следующим силлогизмом: *молодой – значит, красивый*. Следовательно, русское языковое мышление представляет характеристики *молодой и красивый* как пару определений, связанных причинно-следственными отношениями. Поэтому парное употребление этих слов можно считать языковым приёмом интенсификации признака, который мы назовём «повтором со смещением» и при котором гипоним *красивый* усиливает признак гиперонима *молодой*, подчёркивая при этом красоту молодости. Подобный языковой приём способствует дальнейшей стереотипизации и лексикализации таких сочетаний. Ср.: (1) *Сейчас появится молодой красивый врач* (Ю. Домбровский); (2) *Однажды увидел его в цехе – молодой красивый*

парень с заливчатским чубом (В. Губарев, А. Савин); (3) *Молодой красивый мужик в тёмно-красной рубаше с россыпью белых пуговиц...* (В. Астафьев).

Сочетание *молодой, красивый* может употребляться не только в одном ряду с другими положительными характеристиками субъекта, но и в контекстах с отрицательной оценкой. Ср.: (1) *Он был молодой, красивый, зажиточный и талантливый* (С. Довлатов); (2) *Ехал с нами в купе один военный. Высокий такой, молодой, красивый* (И. Грекова); (3) *42 года — молодой, красивый, умный, добрый, щедрый, победительный...* (В. Катанян); (4) *Главная беда в том, что современному зрителю никак не объяснишь, что Глумов — такой молодой, красивый, талантливый — подлец* (А. Соколянский); (5) *За столом у окна сидел человек в розовой рубашке и тёмных очках. Молодой, красивый, несимпатичный. Он неприветливо смотрел на Чернова* (М. Пухов); (6) *У кухарки муж — «личный гражданин», сторож при церкви, молодой, красивый и изрядный негодяй* (В.Г. Короленко); (7) *Стал я ходить в церковь, помогать сторожу Власию да новому дьячку, — этот был молодой, красивый, из учителей какой-то; к службе лентяй, с попом подхалим, руку ему целует, собачкой бегают за ним по пятам* (М. Горький). Представляется, что употребление сочетания *молодой красивый* в ряду слов с отрицательной оценкой также говорит в определённой степени о его лексикализованности.

И, наконец, еще об одной особенности, влияющей на степень лексикализованности однородных определений — это наличие или отсутствие в данном ряду других однородных членов. Безусловно, наличие других определений понижает степень лексикализованности сочетаний типа *молодой красивый*, ср.: (1) *Молодой, красивый незнакомец в голубом плаще, с белым пером* (И. С. Тургенев); (2) *Вошел он в него вместе со мною, еще молодой, красивый, бодрый...* (Ф. М. Достоевский); (3) *Появился третий канцлер в Европе, о котором заговорили — молодой, красивый, умный, богатейший из богатых...* (В. П. Мещерский); (4) *Молодой, красивый, со средствами — партия, одним словом* (А. П. Чехов).

Таким образом, лексикализации однородных определений в той или иной степени способствуют: •обозначение смежных понятий, •ограниченная лексическая сочетаемость, •порядок слов, •отсутствие в высказывании других однородных определений

Рассматривая подобные случаи словоупотребления, мы стремились показать, как в недрах лексического поля языка формируются различного рода образования, которые, с одной стороны, нельзя назвать единицами языка, но с другой стороны — это некие формы, готовые к употреблению в речи, представляющие собой конгломерации смыслов и наделённые определёнными

прагматическими и дискурсивными особенностями. Эти формы, названные нами «лексическими склейками», не обладают чёткими грамматическими и структурными характеристиками, но тем не менее являются прагматически и лингвокультурно организованными совокупностями. Организации подобного типа во многом возможны благодаря одному из основополагающих принципов человеческой ментальности – бинарному, парному мышлению, ибо «во всякой вещи есть две половины, и без одной вторую не поймёшь» (китайское изречение).

ЛИТЕРАТУРА

- Веллер М. Всё о жизни - <http://lib.rin.ru/doc/i/242039p60.html>
 Воркачёв С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» - <http://lincon.narod.ru/umbrella.htm>
 Кузанский Н. Об ученом незнании. - http://www.theosophy.ru/lib/de_docta.htm
 Малый академический словарь (МАС) - Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.
 Национальный корпус русского языка - <http://www.ruscorpora.ru>
 Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов, под ред. Шведовой Н.Ю.- 23-е изд., испр. - М.: Русский язык, 1990. - 917 с.
 Пименова М.В. Эквивалентные концепты - <http://essuir.sumdu.edu.ua/handle/123456789/25180>
 Платон. Послезаконие. - <http://www.libok.net/writer/1617/kniga/49298/platon/poslezakonie/read>
 Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007 –315с.
 Сулейменов О. Язык письма. - <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpsisma.php>

Word Bondings in Russian Discourse.

R.R. Grdzelyan

YSU

The article is devoted to one of the mechanisms of formation of discourse units – contact the sustainable use of lexemes that, "bondings", functionally obligates to the word and turn into a kind of lexicological formation. Described reasons and ways of appearance of this formations in the discourse.

Key words: *discourse, discourse units, twoness, word bondings*

Բառաձուլումները ռուսերեն խոսույթում

Ռ.Ռ. Գրձելյան

ԵՊՀ

Հոդվածը նվիրված է խոսույթի միավորի ձևավորման ուղիներից մեկին՝ բառերի կոնտակտային կայուն օգտագործմանը: Նման դեպքում բառերը, միաձուլվում են և գործառնության տեսանկյունից նմանվում մեկ բառի՝ դառնալով յուրատեսակ, բառագոյակցություններ: Ուսումնասիրվում են նման գոյակցությունների կազմավորման պատճառներն ու ուղիները:

Հանգուցային բառեր՝ *խոսույթ, խոսութային բառեր, գոյգություն, բառաձուլում*